

ВИКТОР ГРОМОВ

ПОДМЕННАЯ
ЖЕНА

ДРАКОНЬЕГО СУДЬИ

ЕГО ДОЧЬ ТЕПЕРЬ МОЯ

Виктор Громов

**Подменная жена драконьего
судьи. Его дочь теперь моя**

«Литнет»

2026

Громов В.

Подменная жена драконьего судьи. Его дочь теперь моя /
В. Громов — «Литнет», 2026

Я очнулась в чужом теле за минуту до свадьбы. Меня вели к брачной печати под именем сбежавшей невесты. Для всех я должна была стать удобной женой верховного драконьего судьи: улыбнуться, промолчать и подписать договор. Но в документе была строка, после которой его маленькую дочь могли забрать в закрытый родовой дом. Эйра стояла у стены в сером платье и ждала, что взрослые снова решат её судьбу. Я не знала законов этого мира, не знала своего мужа и не понимала, почему брачная печать отозвалась именно на меня. Я знала только одно: ребёнка нельзя отдавать тем, кто видит в ней не девочку, а родовую ценность. Теперь Каэр Драйнар считает меня опасной подменной. Его бывшая истинная хочет забрать Эйру под свой надзор. Старшие роды требуют суда. А древняя печать уже признала меня не временной женой, а матерью девочки, которую я поклялась защитить. Но что будет, когда судья узнает правду? Я не его настоящая невеста. Но его дочь теперь моя.

Содержание

Подменная жена	5
Девочка, которую нельзя обнимать	17
Бывшая истинная	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Подменная жена

Я очнулась за минуту до собственной свадьбы.

Точнее, не собственной.

Чужие пальцы сжимали мои локти с такой силой, что тонкая ткань рукавов не спасала от боли. Меня вели по длинному коридору, где чёрный камень пола отражал огни факелов, а по стенам тянулись высеченные драконы с раскрытыми пастьми. Их глаза были вставлены из тёмного янтаря, и каждый раз, когда пламя дрожало, казалось, будто они следят за мной.

Я сделала вдох — резкий, испуганный, совсем не похожий на дыхание невесты.

Воздух пах мокрым камнем, горячим воском, железом дверных петель и чужой роскошью. На мне было тяжёлое белое платье, расшитое серебряными нитями. Красивое. Невероятно дорогое. И такое неудобное, будто его шили не для живой женщины, а для жертвенной куклы, которую красиво поставят перед алтарём, скажут нужные слова и уберут, когда перестанет быть нужна.

Я попыталась остановиться.

— Куда вы меня ведёте?

Голос прозвучал не моим.

Мягче. Ниже. Чуть хрипло, будто я долго молчала или кричала до этого, но не помнила.

Женщина слева, высокая, сухая, в тёмно-синем платье с серебряной застёжкой у горла, даже не повернула головы.

— В зал Драконьего суда, леди Эвелина. Не стоит задерживать верховного судью.

Леди Эвелина.

Имя ударило в меня, как холодная вода.

Я не была Эвелиной. Я вообще не знала, где нахожусь, почему меня держат под руки две женщины с одинаково безжалостными лицами и почему вместо привычной одежды на мне свадебное платье, от которого трудно дышать.

Я не помнила падения. Не помнила сна. Не помнила перехода между своей жизнью и этим каменным коридором. Ещё мгновение назад у меня было другое тело, другое имя, другой мир, где драконы жили только на обложках книг, а свадьба не могла состояться в зале суда.

Теперь меня вели к мужчине, которого я не знала, и называли чужим именем.

— Я не Эвелина, — сказала я.

Обе женщины остановились.

Не потому, что поверили. Потому что испугались, что я могу повторить это громче.

Правая, помоложе, с тонкими светлыми бровями и губами, сжатыми в нитку, наклонилась ко мне так близко, что я почувствовала запах дорогих духов и тревоги.

— Только не начинай, Лиана, — прошептала она.

Лиана.

Вот это имя отозвалось внутри. Не воспоминанием, нет. Скорее болью где-то под рёбрами, будто там была заперта чужая жизнь, и кто-то только что повернул ключ.

Лиана Вейр.

Младшая дочь рода Вейр. Тихая. Незаметная. Та, которую не представляли гостям, если рядом была сияющая старшая сестра. Та, чьи платья перешивали после Эвелины. Та, чьё мнение спрашивали только тогда, когда нужно было услышать согласие.

И сегодня её согласия тоже не спрашивали.

Они заменили ею невесту.

Я резко посмотрела на молодую женщину.

— Эвелина сбежала?

По её лицу пробежала тень. Маленькая, быстрая, но я успела заметить.

— Замолчи, — сказала она уже не шёпотом. — Один раз в жизни принеси роду пользу.

Сердце билось так сильно, что под корсажем стало тесно. Я посмотрела на свои руки. Тонкие пальцы. Чужие кольца. На запястье — едва заметный синяк от чьей-то хватки. В зеркально отполированном камне пола мелькнуло лицо: бледное, с большими серыми глазами, тёмными волосами под жемчужной фатой и выражением женщины, которая должна была покорно идти туда, куда её толкают.

Но внутри этой женщины теперь была я.

И я не собиралась молча подписывать собственный приговор.

— Что будет, если я откажусь? — спросила я.

Старшая женщина наконец повернулась. Её лицо было гладким и холодным, как дорогая маска.

— Вы не откажетесь, леди Эвелина.

— Вы только что назвали меня Лианой.

Молодая побледнела.

Старшая подняла руку и одним движением поправила на моей голове фату так, чтобы её край сильнее прикрыл лицо.

— В зале вы будете Эвелиной Вейр, невестой верховного судьи Каэра Драйнара. Вы подойдёте к брачной печати, положите ладонь на камень и повторите слова, которые вам скажут. После этого подпишете договор. Всё.

— А потом?

Она посмотрела на меня так, будто я спросила, что бывает с ненужной свечой после праздника.

— Потом род Вейр не забудет вашей услуги.

Услуги.

Меня подсовывали чужому жениху вместо сбежавшей сестры, и это называлось услугой.

За высокими дверями впереди раздался глухой удар. Не колокол — скорее тяжёлая печать легла на каменную плиту. Женщины по обе стороны от меня одновременно выпрямились.

— Началось, — прошептала молодая.

Старшая крепче сжала мой локоть.

— Улыбайтесь, леди Эвелина. Вам выпала честь стать женой верховного судьи.

Двери распахнулись.

И я увидела зал Драконьего суда.

Он был огромен.

Не просто большой — подавляющий. Стены уходили вверх так высоко, что верхние ряды окон терялись в полумраке, а между ними висели чёрные знамёна с серебряными драконами. Пол был выложен кругами тёмного и белого камня, сходящимися к центру, где возвышалась низкая круглая площадка. На ней стоял высокий чёрный камень, исчерченный светящимися линиями.

Брачная печать.

Я поняла это без объяснений. Внутри Лианы дрогнуло знание, чужое и неприятно близкое: если печать примет клятву, брак станет законным. Если не примет — обман вскроется сразу.

Вдоль стен сидели люди в строгих одеждах. Мужчины и женщины с безупречными осанками, неподвижными лицами и взглядами, от которых хотелось сделать шаг назад. На их мантиях мерцали знаки родов: крылья, когти, башни, звёзды, цепи. Они смотрели на меня не как на невесту.

Как на подпись внизу документа.

А у печати стоял он.

Каэр Драйнар.

Мне не понадобилось спрашивать, кто это. Некоторые люди занимают пространство так, будто всё вокруг давно признало их право стоять в центре.

Высокий, широкоплечий, в чёрном парадном камзоле без лишней роскоши. Серебряная цепь судьи лежала на груди тяжёлым знаком власти. Тёмные волосы были убраны назад, лицо — резкое, красивое, но не мягкое. В нём не было ни нетерпения жениха, ни тепла мужчины, ожидающего любимую женщину. Только холодная собранность человека, который пришёл завершить необходимую процедуру.

Его глаза поднялись ко мне.

Я споткнулась.

Не от страха перед красотой. От ощущения, что этот взгляд не просто смотрит — взвешивает. Сравнивает. Ищет трещину.

Каэр Драйнар сразу понял, что со мной что-то не так.

Я увидела это по едва заметному движению его бровей. По тому, как пальцы его правой руки, лежавшие на краю печати, чуть согнулись. По тому, как он не шагнул мне навстречу, хотя все ждали именно этого.

Старшая женщина рядом со мной подтолкнула меня вперёд.

— Идите.

Я пошла.

Каждый шаг отдавался под платьем тяжёлым шорохом. Фата мешала видеть боковым зрением, но я чувствовала взгляды. Они цеплялись за плечи, за лицо, за руки. Кто-то шепнул имя Эвелины. Кто-то тихо усмехнулся. Кто-то, наоборот, задержал дыхание, будто надеялся на скандал.

Я дошла до площадки и остановилась напротив Каэра.

Он был выше, чем казался издали. От него веяло не теплом, а напряжённой силой, сдержанной так привычно, что становилось понятно: это не человек, который выходит из себя от пустяков. Это человек, который запоминает пустяки и потом выносит по ним приговор.

— Леди Эвелина, — произнёс он.

Голос был низким, ровным, без единой лишней эмоции.

Я должна была ответить.

Сказать что-нибудь правильное. Склонить голову. Улыбнуться. Сделать вид, что всё это действительно моя свадьба.

Но язык не повернулся назвать себя чужим именем.

— Ваша честь, — сказала я.

По залу прошла едва слышная волна.

Я поняла, что ошиблась. Или, наоборот, сказала слишком правильно. Невеста не должна обращаться к будущему мужу как к судье в момент брака. Но если все вокруг превратили свадьбу в заседание, то почему бы не назвать происходящее своими словами?

Каэр посмотрел внимательно.

— Вы дрожите.

— День необычный.

— Для вас?

— Полагаю, для всех присутствующих.

Его взгляд скользнул к женщине, которая привела меня, потом вернулся ко мне.

— Не для всех.

В этой фразе было предупреждение.

Он не верил мне. Но пока не обвинил. Почему?

Потому что ему тоже нужна была эта свадьба.

На другом конце площадки поднялся седой мужчина в мантии с серебряной каймой. Его лицо было широким, тяжёлым, с опущенными уголками губ.

— Верховный судья, роды собрались, печать подготовлена, свидетели названы. Договор между домом Драйнар и домом Вейр может быть заключён.

Каэр не отвёл от меня взгляда.

— Может, — сказал он.

Не «будет».

Может.

Я услышала в этом столько же сомнения, сколько и угрозы.

Седой мужчина повернулся ко мне.

— Леди Эвелина Вейр, подойдите к брачной печати.

Вот теперь паника подступила к горлу почти физически. Я не знала слов. Не знала правил. Не знала, что эта печать сделает, когда поймёт, что перед ней не Эвелина. Сожжёт? Отбросит? Объявит самозванкой перед всем залом?

Сзади кто-то коротко кашлянул.

Я обернулась — и увидела её.

Маленькую девочку.

Она стояла не рядом с Каэром. Не за спиной у родственников. Не среди слуг. У самой стены, чуть в стороне от всех, будто её привели сюда, но не знали, куда поставить.

На вид ей было лет пять. Может, шесть. Тёмные волосы гладко зачёсаны и перехвачены серой лентой. Платье такое же серое — строгое, закрытое, совершенно не детское. Ни вышивки, ни мягкой ткани, ни маленькой игрушки в руках. Только тонкие пальцы, сцепленные перед собой так крепко, что костяшки побелели.

Она смотрела не на меня.

На Каэра.

Нет, не просто смотрела. Ждала.

Одного взгляда. Одного знака. Чего угодно, что сказало бы: ты не одна.

Каэр не смотрел на неё.

Он стоял перед печатью, безупречный, холодный, собранный, окружённый родами и законом. Возможно, он знал, что девочка здесь. Возможно, не позволял себе повернуться. Возможно, считал, что так защищает её.

Но ребёнку от этого легче не было.

Девочка чуть заметно вздрогнула, когда седой мужчина произнёс:

— После заключения брака будет утверждён временный опекунский акт.

Опекунский акт.

Внутри Лианы опять шевельнулось чужое знание: Каэр Драйнар был вдовцом. У него была дочь — Эйра. Ребёнок с редкой драконьей кровью. Старший род долго держал её под своим контролем, потому что судья без жены не мог единолично забрать девочку в главный дом. Нужна была супруга. Законная хозяйка. Женщина, которая подпишет нужные документы.

Женщина вроде Эвелины.

Или подменной Лианы.

Я посмотрела на Эйру.

Она заметила мой взгляд и сразу опустила глаза. Не резко, не капризно. Так опускают глаза дети, которых уже учили: не привлекай внимания, не задавай вопросов, не мешай взрослым решать твою судьбу.

Что-то внутри меня сжалось.

Не память Лианы. Не страх попаданки. Моё собственное.

Я не понимала этот мир, но понимала этот взгляд.

— Леди Эвелина, — повторил седой мужчина. — Ваша рука.

Я повернулась к печати.

Чёрный камень в центре площадки был гладким, но линии на нём двигались, как тонкие нити света под водой. Серебро, янтарь, тёмное золото. Красиво и страшно. Рядом с камнем лежал раскрытый документ.

Я машинально опустила взгляд.

Строки были написаны витиеватым почерком, но язык оказался понятен. То ли Лиана знала его, то ли мир сам подстроился под мой разум. Я успела прочитать только несколько фраз:

...брачный союз признаётся временным до истечения срока первичного соглашения...

...супруга не приобретает материнских прав в отношении ребёнка первой крови...

...в случае необходимости ребёнок может быть передан в закрытый родовой дом до окончательного решения Совета старших...

Я перестала слышать зал.

Закрытый родовой дом.

Красивая формулировка. Такая гладкая, законная, удобная. В ней не было ни крика, ни слёз, ни маленькой девочки в сером платье у стены.

Но я увидела всё сразу.

После подписи Эйра перестанет быть ребёнком в глазах этих людей окончательно. Её переведут туда, где решат, как правильно воспитывать «первую кровь». Каэр, может быть, будет спорить. Может быть, даже победит. Когда-нибудь. Потом.

А сейчас от меня требовали поставить руку на камень и согласиться, что девочка мне никто.

Я подняла глаза на Каэра.

— Вы читали это?

Его лицо не изменилось, но взгляд стал жёстче.

— Не здесь.

— Именно здесь.

Седой мужчина резко выпрямился.

— Леди Эвелина, текст договора был согласован заранее между родами.

— Между родами, — повторила я. — А ребёнок его видел?

В зале стало тише.

Не беззвучно — люди зашевелились, ткань мантий зашуршала, кто-то недовольно выдохнул. Но разговоры оборвались.

Каэр сказал низко:

— Достаточно.

Он произнёс это не громко, но в его голосе было столько власти, что другая женщина, наверное, замолчала бы. Прежняя Лиана, возможно, именно так и сделала бы. Опустила глаза. Подписала. Потом долго убеждала бы себя, что у неё не было выбора.

Но я была не прежней Лианой.

И, кажется, именно это начало становиться опасным.

— Нет, — сказала я. — Недостаточно.

Седой мужчина побагровел.

— Леди, вы забываетесь.

— Я, наоборот, пытаюсь понять, что именно мне предлагают подписать.

— Вам предлагают честь войти в дом Драйнара.

Я посмотрела на Эйру.

Девочка стояла всё так же. Сцепленные пальцы. Ровная спина. Лицо без слёз. И от этого было хуже, чем если бы она плакала.

— А ей что предлагают? — спросила я.

Никто не ответил сразу.
Очень показательная тишина.
Каэр сделал шаг ближе.
— Вы не знаете обстоятельств.
— Тогда объясните.
— Не перед всем залом.
— А её судьбу перед всем залом решать можно?
В его глазах мелькнул янтарный огонь. Не отражение факелов. Что-то другое. Драконье.
От этого зрелища у меня по спине прошёл холод. Тело Лианы знало, кто стоит перед ней.
Верховный судья. Дракон. Мужчина, способный одним словом сломать жизнь целого рода.
Но рядом с ним стояла девочка, которая боялась даже дышать слишком громко.
Я не могла отступить.
Седой мужчина ударил посохом о камень.
— Брачная процедура не место для обсуждения опеки. Леди Эвелина, положите руку на печать.
— Нет.
На этот раз слово прозвучало громко.
И уже не случайно.
Где-то справа ахнула женщина. Молодой мужчина в мантии с зелёной застёжкой тихо сказал: «Немыслимо». Слуги у дверей застыли так, будто перед ними упала люстра.
Каэр смотрел на меня.
Слишком внимательно. Слишком холодно.
— Вы понимаете последствия?
— Пока нет, — честно ответила я. — Но начинаю догадываться.
— Тогда вы должны понимать, что отказ от печати сейчас будет воспринят как оскорбление дома Драйнар.
— А подпись под этим документом будет оскорблением ребёнка.
Его лицо осталось неподвижным, но я заметила, как дёрнулась жилка у него на щеке.
Попала.
Не знаю куда именно — в гордость, в вину, в боль, в память, — но попала.
Седой мужчина вмешался быстрее, чем Каэр успел ответить:
— Ребёнок первой крови принадлежит не отдельной женщине, а роду. Будущая супруга верховного судьи не обязана участвовать в решениях, которые выше её положения.
Я повернулась к нему.
— Как удобно.
— Что вы сказали?
— У вас очень удобный закон. Женщина нужна, чтобы поставить подпись, но недостаточно важна, чтобы спросить, под чем именно.
По рядам прошёл шум.
Теперь меня разглядывали иначе. Не как тихую невесту, которая вдруг растерялась. Как трещину в тщательно подготовленном обряде.
Старшая женщина из рода Вейр выступила вперёд. Та самая, что вела меня по коридору.
— Леди Эвелина устала. Волнение перед брачной печатью...
— Я не устала, — перебила я.
Она побледнела почти незаметно.
— Дитя, — произнесла она мягко, и от этой мягкости захотелось отойти подальше, — ты не понимаешь, о чём говоришь.
Вот теперь я посмотрела на неё прямо.
— Понимаю. Вы привели меня сюда, чтобы я молчала.

Её глаза сузились.

— Осторожнее.

— Поздно.

Каэр вдруг поднял руку.

Одного жеста хватило, чтобы зал стих.

Он не смотрел на женщину Вейр. Не смотрел на седого судью. Только на меня.

— Вы отказываетесь от брака?

Вопрос был ловушкой.

Если скажу «да» — меня сразу объявят самозванкой или нарушительницей договора между родами. Если скажу «нет» — меня заставят пройти печать и подпись. Он загнал меня в узкий проход, как настоящий судья: два ответа, оба удобны не мне.

Но я уже успела понять кое-что важное.

Не только им нужна была моя подпись. Каэру тоже нужна была жена, чтобы вытащить дочь из чужих рук. Просто он собирался сделать это своим способом — через закон, договор, временную формулировку и очередное решение Совета.

А девочка стояла у стены уже сейчас.

— Я не отказываюсь от брака, — сказала я.

В глазах Каэра мелькнуло не облегчение. Настороженность.

— Тогда в чём дело?

Я положила ладонь на край документа, не касаясь печати.

— Я отказываюсь подписывать отказ от Эйры.

Девочка подняла голову.

Совсем немного. Но я увидела.

Каэр тоже увидел. Его взгляд на долю мгновения ушёл от меня к ребёнку. Быстро, почти незаметно, будто он позволил себе слабость и тут же пожалел о ней.

Эйра смотрела на него с таким отчаянным ожиданием, что у меня защемило в груди.

Ну скажи ей что-нибудь.

Хоть что-нибудь.

Но Каэр молчал.

Может быть, потому что в зале было слишком много свидетелей. Может быть, потому что любое его слово могли использовать против него. Может быть, потому что он так давно жил среди законов, что забыл: ребёнку не нужны идеальные формулировки. Ребёнку нужно знать, что его не отдадут.

Седой судья заговорил жёстче:

— Леди Эвелина, вы не имеете прав на дочь верховного судьи.

— Тогда почему мне подсовывают документ, где я должна от них отказаться?

Он запнулся.

Всего на миг.

Но этого хватило.

Каэр повернул голову к нему.

— Лорд Майрен?

Седой судья сжал посох.

— Стандартная предосторожность, ваша честь. Временная супруга не должна иметь возможности оспорить решения по ребёнку первой крови.

— Я не спрашивал, как вы называете это в протоколе, — сказал Каэр. — Я спросил, почему формулировка включена без отдельного обсуждения.

Теперь в зале стало по-настоящему тревожно.

Я почти физически ощутила, как несколько человек пересчитали свои следующие шаги. Кто-то из рода Вейр слишком быстро отвёл взгляд. Женщина, приведшая меня, незаметно сжала пальцы.

Значит, Каэр не знал.

Или знал не всё.

Это не делало его невиновным. Но меняло расклад.

Лорд Майрен склонил голову.

— Верховный судья, документ был передан через канцелярию старшего рода с пометкой о срочности. Поскольку брак заключается для стабилизации положения ребёнка...

— Не продолжайте, — оборвал Каэр.

В его голосе не было грома. Только сталь.

Я смотрела на него и впервые видела не холодного жениха и не опасного судью, а мужчину, которому на глазах показали, что его собственный законный путь кто-то использовал против него.

Эйра вдруг сделала шаг.

Маленький. Едва заметный.

Но женщина в тёмно-серой мантии, стоявшая рядом с ней, тут же положила руку ей на плечо. Не грубо. Очень прилично. Так, что со стороны это могло показаться заботой.

Девочка застыла.

И я уже не думала.

Я просто пошла к ней.

— Леди Эвелина! — резко сказала женщина Вейр.

Каэр произнёс:

— Остановитесь.

Но я не остановилась.

Платье мешало шагать, фата цеплялась за плечо, в зале снова поднялся шум. Я шла через круги чёрного и белого камня к маленькой девочке, которая смотрела на меня огромными глазами и явно не понимала, можно ли ей надеяться.

Женщина в серой мантии выпрямилась.

— Ребёнку нельзя...

— Уберите руку, — сказала я.

Она моргнула.

— Простите?

Я остановилась перед ней. Сердце колотилось, но голос не сорвался.

— Вы слышали.

— Леди, это дочь первой крови. Прикосновения к ней регулируются...

— Она ребёнок, а не судебная вещь.

Женщина побледнела от возмущения.

— Как вы смеете?

— Плохо, неуверенно и впервые, — сказала я. — Но, кажется, у меня получается.

За моей спиной кто-то резко вдохнул. Возможно, от такой дерзости. Возможно, от того, что я не отступила, когда женщина не убрала руку.

Каэр подошёл следом.

Я почувствовала его присутствие раньше, чем увидела. От него шло напряжение, как от закрытой двери, за которой бушует огонь. Он мог остановить меня. Одним словом. Приказом. Жестом.

Но не остановил.

— Леди Тарса, — сказал он женщине у Эйры. — Отойдите.

Та повернулась к нему с явным потрясением.

— Ваша честь, согласно распоряжению старшего рода...

— Я сказал, отойдите.

Леди Тарса убрала руку.

Эйра не побежала ко мне. Не бросилась к отцу. Она просто осталась стоять на месте, но плечи у неё опустились на крошечную долю. Так, будто с них сняли слишком тяжёлый плащ.

Я присела перед ней.

Платье распласталось по камню, фата съехала набок, и где-то в ряду свидетелей недовольно зашептались. Мне было всё равно.

Вблизи Эйра оказалась ещё меньше. Тонкая шея, серьёзный рот, ресницы, дрожащие от сдерживаемого страха. На её левом запястье под краем рукава блеснул знак — маленькая чешуйка цвета тёмного золота.

— Привет, — сказала я тихо.

Она посмотрела на Каэра. Потом на меня.

— Мне нельзя говорить первой.

От этого ответа внутри стало холодно.

— Тогда я уже всё испортила, — сказала я. — Я заговорила первая. Теперь тебе можно отвечать.

Девочка долго смотрела на меня, словно пыталась понять, шучу я или ставлю ловушку.

— Вы новая жена отца?

Я не сразу нашлась.

За моей спиной стоял Каэр. Вокруг — суд. Род Вейр. Люди, которые ждали, когда я ошибусь. Камень печати, который ещё не принял клятву.

— Пока не знаю, — честно сказала я. — Но точно знаю, что не хочу подписывать бумагу, из-за которой тебя могут забрать.

Эйра сжала пальцы.

— Меня всё равно заберут?

Вопрос был задан почти без выражения.

Вот что страшнее всего. Не истерика. Не каприз. Смирение ребёнка, который уже допускает, что любое хорошее слово может оказаться неправдой.

Я услышала, как Каэр позади меня сделал вдох.

Поздно, ваша честь.

Нужно было раньше.

— Я не знаю всех правил, — сказала я Эйре. — Но если кто-то захочет забрать тебя из-за моей подписи, подписи не будет.

Её губы дрогнули.

— Вы обещаете?

Я не любила обещания, которые нельзя выполнить. В прежней жизни я слишком хорошо знала цену красивым словам. Но сейчас весь зал смотрел на нас, и каждый взрослый в нём наверняка ждал, что я увильну.

Скажу «постараюсь».

Скажу «посмотрим».

Скажу что-нибудь безопасное.

Я протянула руку ладонью вверх, не касаясь её первой.

— Обещаю не отдавать тебя молча.

Эйра посмотрела на мою руку.

Долго.

Потом вложила в неё свои пальцы.

Они были ледяными.

И в этот миг чёрный камень брачной печати за моей спиной вспыхнул.

Сначала тихо — будто внутри него зажгли уголь. Потом ярче. По линиям пробежало золото, но не ровное, как на церемонии. Огонь рванул по кругам пола, обвёл площадку, коснулся края моего платья и не сжёг. Только поднял тонкую искру, которая скользнула по ткани, по руке, по запястью.

Эйра ахнула и крепче сжала мои пальцы.

Каэр резко шагнул к нам.

— Не двигайтесь.

Я и не могла.

Огонь не причинял боли, но держал меня на месте лучше любых рук. Он обвил моё запястье тонкой золотой нитью, затем потянулся к Эйре. Девочка испугалась, но не вырвала руку. Я накрыла её пальцы второй ладонью.

— Смотри на меня, — прошептала я. — Не на них. На меня.

Она послушалась.

Огонь коснулся её метки.

И та ответила.

Тёмно-золотая чешуйка на запястье девочки раскрылась светом, будто маленькое окно в пламя. По залу прокатился возглас. Леди Тарса отступила. Лорд Майрен побелел так, что его губы стали почти серыми.

Каэр остановился рядом с нами, и впервые за всё время я увидела на его лице не холод, не приказ, не судейскую выдержку.

Страх.

Не за себя.

За дочь.

— Эйра, — сказал он.

Девочка повернула к нему голову.

— Папа?

Одно слово.

Очень тихое.

Но оно ударило сильнее любого обвинения.

Каэр протянул руку, потом остановился, будто не знал, имеет ли право коснуться её при всех этих людях, при всех правилах, которые сам же представлял. И это короткое колебание сказалось мне о нём больше, чем вся его цепь судьи.

Он не был равнодушен.

Он был связан.

Возможно, своими ошибками. Возможно, законом. Возможно, виной. Но связан.

Огонь тем временем поднялся выше. Я хотела отпустить Эйру, чтобы не втянуть её во что-то опасное, но девочка вцепилась сильнее.

— Не уходите, — прошептала она.

— Я здесь.

Печать отозвалась на мои слова.

Золотая нить резко вспыхнула между нашими руками, затем метнулась к Каэру. Он не отступил. Огонь обвил его запястье, поднялся к серебряной цепи судьи, ударил в центральный камень и разлился по залу широким кругом света.

Где-то за спиной женщина Вейр вскрикнула:

— Это ошибка! Печать не может...

— Молчать, — сказал Каэр.

Одно слово.

И она замолчала.

Лорд Майрен шагнул к камню, но линии на полу вспыхнули перед ним предупреждающе. Он остановился, прижав посох к груди.

— Верховный судья, печать ведёт себя нестандартно. Необходимо прервать...

— Поздно, — произнёс Каэр.

Его взгляд был прикован к огню, соединявшему нас троих.

— Что происходит? — спросила я.

Голос у меня всё-таки дрогнул. Наконец.

Каэр посмотрел на меня. Теперь в его глазах не было прежней уверенности. Только напряжение и тяжёлое понимание, которое мне совсем не понравилось.

— Брачная печать не принимает временный договор.

— А что она принимает?

Он ответил не сразу.

И за эту паузу я успела испугаться сильнее, чем за всё утро.

Огонь на моём запястье стал плотнее. Не обжигал, но ощущался как браслет, который нельзя снять. Тонкие линии складывались в знак: крыло, круг, маленькая звезда внутри.

У Эйры на запястье появился такой же отблеск, только мягче.

Каэр сжал пальцы, будто пытался удержать собственный огонь от вспышки.

— Родовую связь, — сказал он наконец. — Полную.

Лорд Майрен глухо произнёс:

— Невозможно. Она не названа матерью в акте.

Эйра вдруг сказала:

— Я назвала.

Все повернулись к ней.

Девочка покраснела, но не спряталась. Только прижалась плечом ко мне, всё ещё держа мою руку.

— Я не говорила вслух, — добавила она тише. — Но подумала.

В зале поднялся такой шум, что отдельные слова распадались. «Недопустимо», «переписать протокол», «род Вейр обязан объяснить», «старший совет не признает», «печать ошиблась». Все говорили о законе, власти, последствиях.

Никто не спросил, чего испугалась маленькая девочка, раз ей хватило одной протянутой руки, чтобы мысленно назвать чужую женщину матерью.

Каэр поднял руку, и круг огня вокруг нас вспыхнул выше.

Шум оборвался.

— Печать не ошибается, — сказал он.

Лорд Майрен с трудом сглотнул.

— Ваша честь...

— Запишите.

— Но...

— Запишите, — повторил Каэр, и в этот раз в его голосе было что-то такое, от чего даже у меня по коже прошёл холод. — Брачная печать дома Драйнар признала союз полным. Временный договор отклонён. Отказ от прав на ребёнка первой крови не имеет силы, поскольку связь установлена до подписи.

Я медленно поднялась, всё ещё держа Эйру за руку.

Колени дрожали. Но я стояла.

Женщина из рода Вейр смотрела на меня с ненавистью, уже не пытаюсь прятать её за приличиями. Молодая — та, что назвала меня Лианой в коридоре, — выглядела так, будто сейчас упадёт. Леди Тарса шептала что-то мужчине рядом с собой. Лорд Майрен не сводил глаз с печати.

А Каэр смотрел на меня.

Теперь он точно знал: перед ним не та женщина, которую ждали.

Я тоже это знала.

И между нами, поверх огненных линий брачной печати, повис вопрос, который никто в зале пока не решался произнести.

Кто я?

Эйра потянула меня за руку.

— Вы теперь останетесь?

Я посмотрела на неё. Потом на Каэра. Потом на документ, где ещё минуту назад моей подписью хотели стереть маленькую девочку из моей жизни до того, как она успела в ней появиться.

У меня не было ответов. Ни одного надёжного. Я не знала законов, не знала этого мира, не знала, как выжить среди людей, которые уже начали считать меня угрозой. Я не знала даже, что будет, когда Каэр Драйнар потребует правду.

Но я знала, что если сейчас скажу ребёнку «нет», то уже никогда не смогу назвать себя живой.

— Да, — сказала я. — Останусь.

Эйра выдохнула так осторожно, будто боялась спугнуть слово.

И в этот миг брачная печать ударила в камень последней вспышкой.

Фата соскользнула с моего лица.

По залу пронёсся резкий шёпот. Сначала один голос. Потом второй. Потом несколько сразу.

— Это не Эвелина.

— Это младшая.

— Лиана Вейр.

— Подмена.

Каэр медленно повернул голову ко мне.

Теперь между нами не осталось ни фаты, ни чужого имени, ни удобной лжи.

Только огонь на запястьях. Его дочь у моей руки. И полный зал свидетелей, перед которыми брачная печать уже вынесла свой приговор.

Каэр Драйнар произнёс очень тихо:

— Лиана Вейр.

Я подняла подбородок, хотя внутри всё падало в темноту.

— Да.

Его глаза вспыхнули драконьим золотом.

— Тогда, жена моя, нам с вами предстоит отдельный суд.

Девочка, которую нельзя обнимать

Отдельный суд.

Слова Каэра легли между нами не угрозой даже — приговором, который ещё не озвучили вслух, но уже внесли в книгу решений.

Я стояла в центре зала, всё ещё держала Эйру за руку и чувствовала на запястье чужой огонь. Он не жёг, не причинял боли, но был слишком настоящим, слишком плотным, слишком невозможным, чтобы я могла убедить себя, будто всё это сон. Золотая нить, появившаяся после вспышки печати, тонким браслетом обвивала кожу и уходила под край рукава. Такой же отблеск дрожал на маленьком запястье Эйры. У Каэра знак был темнее, глубже, будто внутри золота прятался уголь.

Полный союз.

Родовая связь.

Жена.

Я слышала эти слова совсем недавно, но они уже успели изменить всё. Минуту назад меня хотели использовать как подпись. Теперь на меня смотрели как на бедствие, которое само поставило подпись под чужим будущим.

— Верховный судья, — произнёс лорд Майрен с таким напряжением, будто каждое слово приходилось вытягивать через сомкнутые зубы. — Прежде чем вы примете решение, необходимо зафиксировать нарушение брачного порядка. Род Вейр обязан дать объяснения. Подмена невесты в присутствии печати является...

— Я знаю, чем является подмена невесты, — сказал Каэр.

Он не повысил голос. Ему не нужно было. Зал и так ловил каждое его слово, как будто от него зависело, кто выйдет отсюда свободным, а кто — под стражей.

Женщина из рода Вейр, та самая, что вела меня по коридору, выступила вперёд. Теперь её холодная безупречность покрылась трещинами. Не от страха за меня, конечно. От страха за себя.

— Ваша честь, род Вейр сам стал жертвой обстоятельств. Леди Эвелина исчезла сегодня утром. Мы не могли допустить срыва союза с домом Драйнар. Лиана действовала по семейному долгу и...

Я резко повернула голову.

— По семейному долгу?

Она посмотрела на меня так, будто хотела одним взглядом заставить замолчать. Наверное, раньше у неё получалось. С прежней Лианой, по крайней мере. Тело помнило этот взгляд: плечи сами хотели съжаться, пальцы — выпустить ладонь Эйры, глаза — опуститься в пол.

Я не позволила.

— Меня привели сюда под чужим именем, — сказала я. — Если это называется долгом, я боюсь узнать, как в вашем роду называют предательство.

По залу снова прошёл шум.

Эйра сжала мою руку обеими ладошками. Маленькие пальцы дрожали, но она не отпустила. Я опустила взгляд и увидела, что девочка смотрит на меня уже не так, как в первые минуты. Не с доверием ещё. Нет. Доверие у детей, которых слишком долго передавали из рук в руки, не рождается от одной красивой фразы.

Но она держалась за меня.

И этого оказалось достаточно, чтобы я не рухнула под тяжестью десятков взглядов.

— Лиана, — произнесла женщина Вейр. — Не усугубляй.

Я почти улыбнулась. Почти.

— Вы правда думаете, что хуже уже некуда?

Каэр повернулся к ней.

— Назовите своё имя.

Женщина на миг застыла. Видимо, она привыкла, что её знают без представления.

— Мирена Вейр, старшая распорядительница дома Вейр и тётка девушек.

Девушек.

Как удобно. Не племянниц. Не Лианы и Эвелины. Просто девушек — две фигуры на одной родовой доске. Одна сбежала, вторую переставили.

Каэр посмотрел на лорда Майрена.

— Зафиксируйте: Мирена Вейр признала факт исчезновения назначенной невесты до начала церемонии и сознательную замену её другой представительницей рода.

— Ваша честь! — Мирена побледнела. — Я не признаю сознательную замену. Я лишь...

— Вы привели Лиану Вейр в зал под именем Эвелины, — перебил Каэр. — Этого достаточно.

Лорд Майрен медленно склонил голову, но по его лицу было видно, что он совсем не рад записывать именно эту часть. За его спиной двое писцов поспешно скрипели перьями по плотным листам. Я смотрела на их руки и думала о том, что в этом мире судьбы действительно превращаются в строчки. Написал нужное слово — и ребёнка можно забрать. Поставил неправильную подпись — и женщина становится виновной ещё до того, как успеет понять правила.

Каэр повернулся ко мне.

— Отпустите Эйру.

Его голос был всё таким же ровным, но теперь в нём звучала не только власть. Там было ещё что-то, похожее на осторожность.

— Зачем?

— Потому что разговор, который нам предстоит, не для ребёнка.

Эйра тут же напряглась.

Я почувствовала это пальцами. Она не сказала ни слова, не заплакала, не спряталась за меня. Просто стала совсем неподвижной. Как маленькая фигурка из фарфора, которую поставили на край стола и забыли, что она может разбиться.

— А куда её поведут? — спросила я.

Каэр чуть сузил глаза.

— В дом Драйнар.

— С кем?

Он не ответил сразу. И эта пауза мне не понравилась.

Леди Тарса, всё ещё стоявшая неподалёку, сделала шаг вперёд.

— Я сопровожу ребёнка, как и было предписано старшим родом.

Эйра едва заметно втянула голову в плечи.

Вот и ответ.

Не слова. Движение.

Я крепче сжала маленькую ладонь.

— Нет.

Каэр медленно перевёл взгляд с леди Тарсы на меня.

— Лиана.

Имя прозвучало как предупреждение. Не «леди Вейр», не «жена моя», не чужая Эвелина. Лиана. Настоящее имя тела, которое стало моим. В его голосе оно казалось чем-то, что уже внесли в протокол, но ещё не решили, карать или признавать.

— Я не устраиваю сцену, — сказала я, хотя понимала, что со стороны это выглядело именно так. — Я спрашиваю простую вещь. Ребёнок боится леди Тарсу. Это видно всем, кто смотрит не только в документы.

Леди Тарса побледнела от такого прямого обвинения, но удержалась.

— Дочь первой крови воспитывается в строгом порядке. Страх перед правилами не является основанием для их отмены.

— Она боится не правил, — сказала я. — Она боится вашей руки на своём плече.

Леди Тарса раскрыла рот, но Каэр поднял ладонь, останавливая её.

Он смотрел на Эйру.

Наконец-то.

Не мельком, не украдкой, не как судья на предмет дела. Он смотрел на дочь, и от этого зрелища мне стало одновременно легче и тяжелее. Потому что в его взгляде не было равнодушия. Там было то, что мужчина вроде него, наверное, прятал глубже всего: вина, тревога, растерянность и такая осторожность, будто он боялся сделать одно неверное движение и окончательно потерять право быть отцом.

— Эйра, — сказал он.

Девочка подняла глаза не сразу.

— Да, папа.

Слово снова прозвучало тихо. Очень вежливо. Слишком вежливо для ребёнка, который должен был бы иметь право подбежать к отцу, потянуть его за рукав, пожаловаться на страх или просто попроситься на руки.

— Ты хочешь, чтобы леди Тарса сопровождала тебя в дом?

Эйра посмотрела на женщину в серой мантии. Потом на меня. Потом снова на отца.

Я почти видела, как в маленькой голове сталкиваются правила. Нельзя говорить плохое о старших. Нельзя жаловаться. Нельзя хотеть лишнего. Нельзя выбирать, если за тебя уже выбрали.

— Я могу идти сама, — сказала она наконец.

Каэр закрыл глаза на один вдох.

Всего на один.

Но я заметила.

— Нет, — сказал он, открывая глаза. — Одна ты не пойдёшь.

Эйра сразу кивнула, как будто другого ответа и не ожидала.

Я услышала собственный голос раньше, чем успела решить, насколько это разумно:

— Тогда я пойду с ней.

Зал отреагировал шумом. Уже не возмущённым — усталым. Кажется, за это утро я успела нарушить столько ожиданий, что люди начали заранее ждать следующего.

Каэр посмотрел на меня так, будто пытался понять, где заканчивается безрассудство и начинается расчёт. Жаль, я сама этого не знала.

— Вы пойдёте со мной, — сказал он.

— Я пойду туда, где будет Эйра.

— Вы не в положении ставить условия.

Я опустила взгляд на наши запястья.

Огонь уже не пылал, но знаки оставались. Тонкие, золотые, живые. Как печати на коже.

— Похоже, положение изменилось без моего разрешения.

Его губы сжались. В другой момент я, возможно, испугалась бы. Сейчас страх тоже был, но рядом стояла девочка, которой взрослые слишком долго показывали, что решения принимаются над её головой.

Каэр повернулся к лорду Майрену.

— Заседание закрыто. Все дальнейшие протоколы передать в мой кабинет до заката. Представителям рода Вейр запрещено покидать пределы судебного крыла до моего распоряжения.

Мирена Вейр резко побледнела.

— Вы задерживаете нас?

— Я сохраняю свидетелей, — ответил Каэр. — Разницу вы объясните себе сами.

— Род Вейр подаст возражение.

— Подадите письменно.

Он даже не смотрел на неё дольше необходимого. И это почему-то было страшнее, чем если бы он злился открыто.

Лорд Майрен склонил голову.

— А ребёнок?

Каэр повернулся к нему так медленно, что тот невольно прижал посох ближе к себе.

— Моя дочь отправляется в мой дом.

— Согласно прежнему распоряжению старшего рода, сопровождение...

— Прежнее распоряжение потеряло силу после признания полной брачной связи.

Майрен открыл было рот, но Каэр продолжил:

— Попробуйте оспорить это сейчас, и вам придётся публично заявить, что брачная печать дома Драйнар ошиблась. Я внимательно послушаю, на каком основании.

Лорд Майрен промолчал.

Вот так и выглядела власть, когда её использовали точно. Без крика. Без лишних движений. Одной формулировкой Каэр заставил их отступить, потому что ударил по тому, что они боялись тронуть: по непогрешимости печати.

И всё же я не могла забыть, что ещё недавно именно рядом с ним лежал документ, где меня хотели заставить отказаться от Эйры. Знал он или не знал всего — вопрос оставался. Но ребёнок успел испугаться. А страх детей не исчезает потому, что взрослый наконец нашёл правильную строчку в законе.

Каэр протянул руку к Эйре.

Не резко. Почти осторожно.

Девочка посмотрела на его ладонь. Не вложила свою. Только чуть придвинулась ко мне.

Боль мелькнула на его лице так быстро, что, если бы я моргнула, пропустила бы.

Он опустил руку.

— Тогда идём так.

Я ожидала, что он прикажет мне отпустить Эйру. Не приказал. Развернулся к выходу и пошёл первым, рассекая зал своим молчанием. Люди отступали перед ним. Не кланялись глубоко, не падали ниц, но расходились так быстро, что я поняла: бояться они его не меньше, чем уважают.

Я повела Эйру следом.

И только у самых дверей услышала за спиной шёпот Мирены Вейр:

— Неблагодарная девчонка. Ты ещё пожалеешь, что полезла в чужой дом.

Я остановилась.

Не обернулась полностью, только повернула голову.

Мирена смотрела на меня с той самой семейной уверенностью, от которой прежняя Лиана, наверное, годами становилась меньше. Но в этой уверенности уже была тревога. Она не знала, что я помню, чего не помню, на что решусь и насколько опасна для её удобной правды.

Честно говоря, я тоже не знала.

— Возможно, — сказала я. — Но сегодня не ваш день решать, о чём мне жалеть.

И вышла из зала Драконьего суда, всё ещё держа за руку девочку, которую мне уже нельзя было назвать чужой.

Коридоры за залом оказались шире тех, по которым меня вели к церемонии. Здесь всё было не торжественным, а служебным: длинные каменные проходы, строгие двери с металлическими табличками, узкие окна, за которыми серое небо нависало над городом, как крышка над сундуком. На стенах не было праздничных тканей, только гербы и списки решений в рам-

ках под стеклом. Дом закона. Дом печатей. Дом, где даже воздух казался записанным в протокол.

Каэр шёл впереди, но не слишком быстро. Сначала я решила, что это случайность. Потом поняла: он подстраивался под шаги Эйры.

Девочка шла тихо. Не тянула меня за руку, не задавала вопросов, не оглядывалась. Только иногда её пальцы чуть сильнее сжимались на моих, когда за одной из дверей раздавались голоса или когда навстречу попадался судейский служитель в тёмной одежде.

На третьем повороте Каэр остановился у высоких дверей, на которых был вырезан дракон, сложивший крылья вокруг весов.

— Внутрь, — сказал он.

Стражники у дверей распахнули створки.

Кабинет верховного судьи оказался совсем не похож на зал. Там не было показной роскоши. Высокие шкафы с книгами и свитками занимали две стены, третью — узкое окно с видом на внутренний двор, где каменный фонтан стоял без воды, словно его давно забыли оживить. Большой стол был завален документами, но не беспорядочно: стопки лежали ровно, каждая перевязана лентой своего цвета. На каминной полке стояла маленькая фигурка дракона из тёмного дерева. Одно крыло у неё было отломано.

Эйра заметила её почти сразу.

И замерла.

Каэр тоже заметил, куда она смотрит. Его лицо стало жёстче, как будто эта маленькая вещь застала его врасплох сильнее, чем мой отказ в зале суда.

— Это твоё, — сказал он.

Эйра не ответила.

— Я сохранил.

Девочка опустила глаза.

— Мне сказали, что его выбросили.

Каэр очень медленно повернулся к двери, за которой остались стражники, коридор и все те люди, которые много лет говорили ребёнку, что можно помнить, а что нужно забыть.

— Кто сказал?

Эйра молчала.

Я почувствовала, как она снова камнеет рядом со мной.

— Не сейчас, — тихо сказала я.

Каэр посмотрел на меня.

— Что?

Я сама удивилась, что решилась говорить ему таким тоном в его кабинете, через несколько минут после того, как он назвал меня женой и пообещал отдельный суд. Но слова уже пошли.

— Не спрашивайте её так. Не здесь. Не сразу после зала. Она решит, что виновата в том, что кто-то ей солгал.

— Я не обвинял её.

— Вы нет. Но она не обязана понимать это с первого раза.

Каэр замолчал.

В кабинете стало слышно, как за окном бьётся о стекло ветка старого дерева. Этот звук почему-то оказался почти домашним на фоне всего камня, гербов и печатей.

Эйра осторожно потянулась к деревянному дракону, но остановилась на полпути.

— Можно?

Каэр ответил не сразу. Наверное, хотел сказать что-то правильное. Как судья, отец, хозяин дома. Слишком многое в нём искало точную форму.

— Он твой, — сказал он наконец.

Девочка отпустила мою руку только тогда, когда я чуть кивнула. Это движение не укрылось от Каэра. Его взгляд скользнул по мне, по Эйре, по нашим запястьям с золотыми знаками и стал тяжелее.

Эйра взяла фигурку двумя руками. Провела пальцем по сломанному крылу, будто проверяла, настоящее ли дерево, настоящая ли память, настоящий ли этот миг, в котором ей вдруг разрешили держать своё.

— Я думала, он потерялся, — сказала она.

— Нет, — ответил Каэр. — Он был здесь.

Эйра прижала дракончика к груди и снова замолчала.

Я вдруг поняла, что у этой тишины много оттенков. В зале она молчала от страха. Сейчас — от осторожной надежды, которая ещё не знала, можно ли ей выжить.

Каэр подошёл к столу и взял маленький серебряный колокольчик. Не успел позвонить — дверь открылась сама.

На пороге появилась пожилая женщина в строгом чёрном платье, с гладко убранными седыми волосами и лицом человека, который видел столько чужих бед, что давно научился не показывать удивления. Но золотые знаки на наших запястьях заставили даже её задержать взгляд.

— Ваша честь.

— Нара, подготовьте восточное крыло. Ребёнок остаётся в доме.

Женщина посмотрела на Эйру. И в этом взгляде я впервые за день увидела не оценку, не расчёт и не страх перед родовой кровью. Просто тихую жалость, которую она тут же спрятала под привычной строгостью.

— Все комнаты?

— Детскую, малую гостиную и спальню рядом.

Она кивнула.

— Для леди Эвелины?

Каэр посмотрел на меня.

— Для леди Лианы Драйнар.

Я не сразу поняла, почему внутри всё резко оборвалось.

Драйнар.

Он сказал это как факт. Не как ласку, не как принятие, не как признание. Юридически. Точно. Печать установила — значит, имя изменилось. Но я услышала в этом что-то большее, чем строку протокола. Меня только что вырвали из одного рода, который использовал меня как замену, и поставили в другой, где я тоже пока не знала, кем являюсь: женой, уликой, угрозой или ошибкой печати.

Нара моргнула всего один раз.

— Да, ваша честь.

— И пришлите кого-нибудь из младших служанок. Не Тарсу.

— Леди Тарса уже направила распоряжение о сопровождении ребёнка.

— Отменить.

— Она сошлётся на старший род.

— Пусть ссылается письменно.

Нара едва заметно склонила голову. Кажется, ей понравился этот ответ, хотя лицо осталось безупречным.

— Будет исполнено.

Она уже собиралась выйти, когда Эйра вдруг тихо спросила:

— Нара?

Женщина остановилась.

— Да, госпожа Эйра?

Девочка сильнее прижала к себе деревянного дракона.

— В восточном крыле холодно?

Вопрос был простой. Детский. Но после него Каэр словно стал на полтона бледнее.

Нара ответила не сразу.

— Сегодня будет тепло.

— А шторы там серые?

Я невольно посмотрела на Эйру. Она спросила это так, будто серые шторы были не тканью, а ещё одним правилом, от которого никуда не деться.

Нара перевела взгляд на Каэра. Тот молчал.

Я поняла, что если сейчас никто не ответит нормально, девочка сама сделает вывод: ей снова дадут комнату, где всё решено до неё.

— А какие ты хочешь? — спросила я.

Эйра повернулась ко мне так быстро, будто я нарушила ещё один запрет.

— Мне можно хотеть?

Я услышала, как Нара тихо втянула воздух. Каэр отвернулся к окну, но не потому, что вопрос был пустяком. Наоборот. Кажется, этот маленький вопрос попал туда, куда не смогли попасть все обвинения в зале.

— Попробуй, — сказала я. — Начнём со штор.

Эйра задумалась очень серьёзно.

— Не серые.

— Уже хорошо.

— И не чёрные.

— Записываю мысленно.

Она посмотрела на деревянного дракончика.

— Можно тёмно-синие? Как вечер.

— Нара? — спросила я, хотя не имела ни малейшего понятия, имею ли право отдавать распоряжения в этом доме.

Пожилая женщина посмотрела на Каэра.

Он не повернулся от окна.

— Тёмно-синие, — сказал он.

Эйра не улыбнулась. Но её пальцы перестали так отчаянно сжимать игрушку.

Нара вышла.

Дверь закрылась, и кабинет сразу стал меньше. Теперь в нём остались только мы трое: судья, девочка и подменная жена, которую печать сделала настоящей слишком быстро, чтобы хоть кто-то успел подготовиться.

Каэр медленно повернулся.

— Эйра, ты пойдёшь с Нарой, когда она вернётся. Я поговорю с леди Лианой.

Девочка сразу посмотрела на меня.

Не на него. На меня.

И это снова ранило его. Я увидела по глазам.

— Я не хочу мешать, — сказала Эйра.

Бережно. Почти беззвучно.

— Ты не мешаешь, — ответила я раньше Каэра.

Он посмотрел на меня, но не перебил.

— Просто взрослым иногда нужно поговорить о глупостях, которые они сами устроили, — добавила я.

Эйра чуть нахмурилась.

— О суде?

— О нём тоже.

— Суд — это не глупость, — сказала она после паузы и осторожно взглянула на отца.
— Так говорит папа.

Каэр впервые за всё время ответил ей не как судья.

— Иногда я ошибаюсь в словах.

Эйра замерла.

Для неё, кажется, это признание было почти невероятным. Верховный судья. Отец. Дракон. Взрослый, вокруг которого ходили по линейке. И вдруг он мог ошибаться.

— Правда?

— Да.

Она подумала.

— Тогда можно я скажу одно?

— Можно.

Эйра прижала дракона к груди так крепко, что костяшки пальцев снова побелели.

— Я не хочу к леди Тарсе.

Каэр не двинулся, но всё в нём изменилось. Не внешне. Внутренне. Как будто где-то глубоко сдвинулась тяжёлая плита.

— Ты больше не пойдёшь к леди Тарсе без моего прямого распоряжения.

Эйра опустила глаза.

— А если старший род скажет?

— Тогда старший род будет говорить со мной.

— А если вы будете в суде?

Каэр сделал вдох.

Ответ, наверное, должен был быть простым. Но в нём не оказалось простоты. Потому что девочка спрашивала не о расписании. Она спрашивала: кто защитит меня, когда тебя нет рядом?

Я сама не поняла, что делаю, пока не сказала:

— Тогда она скажет мне.

Каэр посмотрел на меня.

Эйра тоже.

Я почувствовала, как щеки нагреваются. Брачная печать связала меня с ними час назад, а я уже говорила так, будто имела право быть частью их жизни. Разумно? Нет. Осторожно? Совсем нет.

Но Эйра смотрела так, словно я только что открыла дверь в комнату, где раньше не было выхода.

— Вам можно? — спросила она.

Хороший вопрос.

Я посмотрела на Каэра.

— Мне можно?

Он выдержал паузу. Долгую, неудобную, наполненную всем, что нам ещё предстояло выяснить. Кто я. Почему оказалась здесь. Что случилось с Эвелиной. Почему печать приняла меня. Что теперь делать с родом Вейр, старшим советом и маленькой девочкой, которая уже решила, что я могу быть её защитой.

— Пока печать не отменена, — сказал он, — вы моя жена и признанная хранительница родовой связи с Эйрой.

Очень тёплое признание. Почти как каменная плита на могиле.

— Звучит не так уютно, как «да», но я поняла, — сказала я.

Эйра вдруг издала короткий звук.

Не смех. Скорее удивление, из которого смех мог бы когда-нибудь вырасти. Она тут же прикрыла рот ладонью, будто сделала что-то неприличное.

Каэр посмотрел на неё.

И я впервые увидела, как его лицо смягчилось.

Совсем немного. На одно мгновение. Но этого хватило, чтобы понять: мужчина в нём жив. Просто где-то глубоко, под слоями закона, вины и драконьей выдержки.

Дверь снова открылась. Нара вернулась не одна. С ней была молодая служанка лет семнадцати, круглолицая, с рыжеватыми волосами, заплетёнными в толстую косу. Она нервно присела.

— Милена будет рядом с госпожой Эйрой, — сказала Нара. — Девочка расторопная, лишнего не говорит, леди Тарсе не подчиняется.

Служанка испуганно моргнула от такой характеристики, но промолчала.

— Хорошо, — сказал Каэр.

Эйра не двинулась.

Я присела перед ней, стараясь не думать о том, что выгляжу, наверное, нелепо: свадебное платье помято, фата неизвестно где осталась, на запястье золотая печать, в голове — ни одного плана дальше ближайших пяти минут.

— Ты пойдёшь с Нарой и Миленой, — сказала я. — Они подготовят твою комнату. Тёмно-синие шторы мы уже выбили из сурового суда.

Эйра посмотрела на Каэра.

— Вы придёте?

Он ответил сразу:

— Да.

Она перевела взгляд на меня.

— И вы?

Я хотела сказать «да» так же быстро. Но вспомнила: обещания. Их нужно давать аккуратно. Особенно детям.

— Если ваш отец не приговорит меня к чему-нибудь ужасному за ближайший разговор, я приду.

Эйра испуганно посмотрела на Каэра.

Я мысленно выругала себя за неудачную шутку, но он вдруг сказал:

— Я отложу ужасное.

Девочка снова издала тот короткий почти-смех.

И всё.

После этого она позволила Наре взять себя за плечи. Не леди Тарсе. Не стражникам. Наре. Разница была огромной. У двери Эйра оглянулась. Я подняла руку, и она в ответ чуть приподняла деревянного дракона.

Потом дверь закрылась.

Я осталась наедине с Каэром Драйнаром.

И сразу поняла, что с ребёнком в комнате было легче дышать.

Без Эйры кабинет стал не семейным, а судейским. Каждый шкаф, каждая стопка документов, каждый строгий угол стола будто напоминал: здесь не плачут, не оправдываются, не надеются на жалость. Здесь отвечают.

Каэр подошёл к столу, снял серебряную цепь судьи и положил её на тёмное дерево. Жест был медленным, почти усталым. Без цепи он не стал менее опасным. Скорее наоборот. Теперь передо мной стоял не символ власти, а мужчина, которому сегодня нарушили все планы и отдали в руки женщину, в существование которой он, возможно, уже не верил.

— Садитесь, — сказал он.

— А если я предпочту стоять?

— Тогда будете стоять.

Я всё-таки села. Не потому, что он приказал. Потому что ноги наконец решили напомнить, что за утро я пережила чужое пробуждение, подменную свадьбу, вспышку магической печати и почти семейное усыновление без единого нормального объяснения.

Каэр сел напротив.

Между нами был стол, но казалось, что вместо дерева лежит та самая брачная печать — горячая, живая, опасная.

— Начнём с простого, — сказал он. — Где Эвелина Вейр?

— Не знаю.

— Вы ожидаете, что я поверю?

— Нет. Но другого ответа у меня нет.

Он смотрел на меня молча.

Я выдержала этот взгляд, хотя хотелось встать, отойти к окну, спрятать руки, сделать что угодно, лишь бы не чувствовать себя бумагой под острым ножом.

— Вы знали о подмене до входа в зал, — произнёс он.

Не вопрос. Утверждение.

— За несколько минут до входа.

— Удобно.

— Ужасно неудобно, если честно.

— Лиана.

Моё имя в его устах прозвучало жёстче.

— Я очнулась в коридоре, — сказала я. — Меня вели в зал и называли Эвелиной. Я пыталась сказать, что я не она. Мне велели молчать. Потом двери открылись.

Он не моргнул.

— Очнулись?

Слишком опасное слово. Я поняла это поздно.

— Пришла в себя, — поправилась я. — Всё было... спутанно.

— От чего?

Я сжала пальцы на коленях.

Запретные темы даже в мыслях обходила стороной; не потому что мир этого требовал, а потому что сама не хотела цепляться за объяснения, которых у меня не было. Да и правду сказать было невозможно. «Я из другого мира» прозвучало бы не как исповедь, а как готовый повод запереть меня подальше от Эйры.

— Не знаю, — ответила я.

— Снова не знаете.

— Я понимаю, как это звучит.

— Сомневаюсь.

Он откинулся на спинку кресла. Его лицо оставалось холодным, но теперь я замечала больше деталей: тень усталости у глаз, резкую линию рта, пальцы, которые не лежали спокойно, а едва заметно сжимались, словно он удерживал не только гнев.

— Род Вейр подменил невесту, — сказал он. — Эвелина исчезла. Вы появились на её месте. Брачная печать признала вас моей женой и установила связь с моей дочерью. А теперь вы утверждаете, что ничего не знаете.

— Да.

— Удивительная защита.

— Я не защищаюсь. Я пытаюсь не соврать там, где правда и так выглядит плохо.

Он чуть наклонил голову.

— Значит, вы признаёте, что правда выглядит плохо.

— Для меня — точно.

— А для Эйры?

Вот этот вопрос был ударом.

Не громким. Точным.

Я подняла взгляд.

— Для Эйры плохо выглядел документ, который лежал у печати.

Каэр замолчал.

— Вы не знали о формулировке? — спросила я.

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

Я хотела поверить. Но хотеть верить и верить — разные вещи.

— Кто мог её добавить?

— Тот, кто имел доступ к брачному протоколу после моего утверждения.

— Лорд Майрен?

— Возможно.

— Леди Тарса?

— Она исполняет распоряжения старшего рода.

— Это не ответ.

— Это пока единственный ответ, который можно доказать.

Я усмехнулась без радости.

— Вы всегда говорите так, будто каждое слово потом кто-то будет зачитывать в суде?

— Часто так и происходит.

— Должно быть, очень весело за ужином.

Он посмотрел на меня так, будто не сразу понял, что я только что сказала. Потом в его глазах мелькнуло что-то почти живое. Не улыбка. До улыбки ему было как до весны в этом каменном доме. Но напряжение на миг сдвинулось.

— Вы странно ведёте себя для женщины, которой грозит обвинение в подмене.

— Я и чувствую себя странно.

— Вы понимаете, что род Вейр может заявить, будто вы сознательно обманули дом Драйнар?

— Они сами привели меня в зал.

— Они скажут, что вы согласились.

— А вы поверите?

Он не ответил сразу.

Вот это было честнее любого «нет».

— Я буду проверять, — сказал он.

— Хорошо.

— Вам не стоит радоваться.

— Я не радуюсь. Просто проверка звучит лучше, чем готовый приговор.

Каэр встал и подошёл к окну. Серое небо за стеклом делало его фигуру ещё темнее. Я смотрела на его спину и пыталась сопоставить всё, что уже знала. Ему нужна была жена, чтобы вернуть дочь в дом. Он не знал о фразе отказа или сделал вид слишком убедительно. Эйра его любит, но боится просить. Он любит Эйру, но не умеет быть рядом так, чтобы ребёнок это чувствовал. Старший род вмешивается в её жизнь. Род Вейр подменил невесту. А я стала ошибкой, которую нельзя просто стереть, потому что печать почему-то выбрала меня.

— Почему печать признала связь? — спросила я.

— Вы протянули руку Эйре.

— Это всё?

— Нет.

Он повернулся.

— Она приняла вашу защиту.

— Она просто взяла меня за руку.

— Для ребёнка первой крови это не просто жест. Особенно в присутствии брачной печати.

— А вы могли предупредить?

— Я велел вам остановиться.

— Это не предупреждение. Это приказ без объяснения.

— Я не привык объяснять людям последствия во время обряда, который они не должны нарушать.

— А я не привыкла попадать на свадьбы вместо сбежавших сестёр.

Мы замолчали.

Где-то за дверью прошли шаги. Потом ещё. Дом продолжал жить, но уже иначе. Сегодня в его стенах появилась новая жена, признанная печатью, маленькая дочь вернулась из-под чужого сопровождения, род Вейр оказался под подозрением, а верховный судья, похоже, впервые за долгое время не контролировал всё.

Каэр медленно произнёс:

— Вы не похожи на Лиану Вейр.

Я почувствовала, как сердце ударило в рёбра.

— Вы хорошо её знали?

— Нет. Но я видел её досье.

— Досье?

— Перед брачным договором собирают сведения обо всех участниках родового союза.

— Даже о младшей сестре невесты?

— Особенно о младшей сестре, если она живёт в том же доме.

Я сглотнула.

— И что было в моём досье?

— Тихая. Послушная. Родовой ценности почти не имеет. К публичным выступлениям не склонна. Магических откликов не выявлено. Зависима от решений старших родственников.

Каждая фраза ложилась на кожу, как чужие пальцы в коридоре. Не обо мне — о Лиане. О женщине, чьё тело теперь было моим. О жизни, которую кто-то успел разложить по коротким строкам и признать почти ненужной.

— Как мило, — сказала я. Голос прозвучал суше, чем я ожидала. — «Почти не имеет ценности». У вас тут умеют делать комплименты.

— Это не моя формулировка.

— Но вы её прочитали и пошли жениться на её сестре.

— Я заключал союз с родом Вейр, чтобы вернуть дочь.

— А невеста была частью сделки.

— Да.

Честный ответ. Неприятный, но честный.

Я почему-то оценила это больше, чем попытку подсластить.

— Тогда, ваша честь, у нас обоих плохой день. Вы получили не ту часть сделки, а я получила всю сделку целиком, даже не видев условий заранее.

Он посмотрел на моё запястье.

— Условия теперь изменены.

— В лучшую сторону?

— В сложную.

Я невесело усмехнулась.

— Очень обнадеживает.

В дверь постучали.

Каэр не успел ответить, как створка приоткрылась, и Нара появилась на пороге. Лицо её оставалось строгим, но в глазах было напряжение.

— Ваша честь, прошу прощения. Восточное крыло готовят, но возникло распоряжение от старшего рода.

Каэр выпрямился.

— Уже?

— Да. Леди Тарса требует передать госпожу Эйру в отдельную комнату до проверки метки.

Я встала так резко, что кресло тихо скрипнуло по полу.

— Нет.

Нара посмотрела на меня. Не с осуждением. Скорее с быстрым, оценивающим вниманием.

Каэр сказал:

— Леди Тарса ничего не требует в моём доме.

— Она не одна, — ответила Нара. — С ней прибыл представитель старшего рода Драйнар. Лорд Варрен.

Имя ничего мне не сказало, но Каэр изменился.

Не сильно. Он вообще, кажется, не любил давать миру удовольствие видеть свои реакции. Но в нём появилась такая собранная жёсткость, что даже воздух рядом с окном будто стал холоднее.

— Где Эйра? — спросил он.

— В переходной гостиной восточного крыла. С Миленой. Я оставила у двери двух ваших стражников.

— И лорд Варрен?

— Идёт туда.

Я уже была у двери.

Каэр оказался рядом быстрее.

— Стоять.

Я повернулась к нему.

— Вы правда думаете, что после всего в зале я останусь здесь ждать?

— Я думаю, что вы не понимаете, с кем собрались спорить.

— Уже слышала нечто похожее сегодня утром. Не помогло.

— Лорд Варрен — глава старшей ветви дома Драйнар.

— А Эйра — ваша дочь.

Он замер.

Вот так. Просто. Без протокола.

Не «ребёнок первой крови», не «объект родовой связи», не «основание брачного союза». Дочь.

— И теперь, по словам вашей печати, я тоже связана с ней, — добавила я. — Поэтому либо вы идёте со мной, либо я пойду сама и испорчу вам ещё больше юридических планов.

Нара у двери едва заметно опустила глаза. Кажется, чтобы скрыть выражение лица.

Каэр смотрел на меня долго.

Потом сказал:

— Ни слова без необходимости.

— У меня и с необходимостью пока плохо получается.

— Я заметил.

Он распахнул дверь.

Мы вышли в коридор вместе.

На этот раз он шёл не впереди, а рядом. Быстро, но так, чтобы я успевала, хотя платье всё ещё мешало. Нара двигалась за нами, удивительно бесшумно для женщины её возраста. За поворотом к нам присоединились двое стражников, и коридор сразу стал уже.

— Что значит проверка метки? — спросила я тихо.

Каэр не сразу ответил.

— Формальная процедура старшего рода.

— Зачем?

— Они заявят, что после отклика брачной печати нужно убедиться в устойчивости связи.

— А на самом деле?

Он посмотрел вперёд.

— На самом деле они хотят понять, можно ли отделить Эйру от вас до того, как связь укрепитесь.

Я почувствовала, как пальцы сами сжались.

— Отделить?

— Юридически.

— Вы это так называете?

— Я называю вещи так, как их можно оспорить.

— А я называю это попыткой забрать испуганного ребёнка сразу после того, как он впервые кому-то поверил.

Каэр ничего не сказал.

Но шаг ускорил.

Восточное крыло встретило нас запахом холодного камня и пыли, которую слишком быстро пытались скрыть свежими тканями. Здесь были высокие окна, узкие коридоры и двери, давно не открывавшиеся полностью. На подоконнике стояла ваза без цветов. На стене висел гобелен с драконьим крылом, но нижний край был подвёрнут, будто его сняли со стены и повесили обратно наспех. Дом Драйнар, при всей своей власти, не выглядел готовым к возвращению маленькой девочки.

Из переходной гостиной доносились голоса.

Один — леди Тарсы. Мягкий, правильный, неприятно ровный.

— Госпожа Эйра, вы не должны усложнять положение отца. Если вы будете послушны, всё решится быстрее.

Второй голос был мужским, старым и низким.

— Ребёнок первой крови не выбирает окружение по настроению. Связь, возникшая в зале, могла быть случайной реакцией на стресс обряда.

Я не знала всех слов, но смысл поняла.

Они уже начали.

Каэр открыл дверь без стука.

В гостиной находились Эйра, Милена, леди Тарса и высокий пожилой мужчина с серебряными волосами, убранными назад. Он опирался на трость с драконьей головой. Не на посох судьи — именно на трость, дорогую, резную, с крупным янтарным камнем в пасти. Одет он был безупречно: тёмный сюртук, серебряный жилет, перстень с тем же знаком крыла и круга, что горел на моём запястье.

Эйра стояла у кресла. Деревянного дракона у неё уже не было.

Я заметила это сразу.

— Где игрушка? — спросила я.

Все посмотрели на меня.

Каэр — тоже, видимо ожидая, что первой моей фразой будет что-то о лорде Варрене, правах или распоряжениях. Но мне было всё равно, как выглядит начало спора. Эйра стояла с пустыми руками. После того как только что прижимала дракончика к груди.

Милена, молодая служанка, побледнела.

— Леди Тарса велела убрать, госпожа. Сказала, предмет мешает госпоже Эйре сосредоточиться.

Эйра молчала.

Леди Тарса мягко улыбнулась.

— Детские привязанности иногда усиливают нестабильность метки. Я действовала из осторожности.

Я посмотрела на Эйру.

— Ты хотела отдать дракона?

Девочка покачала головой.

Едва-едва.

Но достаточно.

— Верните, — сказала я.

Лорд Варрен медленно повернул ко мне голову.

— А вы, должно быть, новая неожиданность моего племянника.

Каэр сделал шаг вперёд.

— Лорд Варрен.

— Верховный судья, — пожилой мужчина склонил голову ровно настолько, чтобы это не выглядело неуважением. — Рад был бы поздравить тебя с браком, если бы понимал, кого именно ты привёл в дом.

— Мою жену.

Слово прозвучало без тепла, но с такой твёрдостью, что леди Тарса опустила глаза.

Лорд Варрен посмотрел на моё запястье.

— Печать порой реагирует на сильное эмоциональное вмешательство. Особенно если ребёнок напуган.

— Ребёнок был напуган до моего вмешательства, — сказала я.

— Вы смелы для девушки, чьё имя ещё час назад скрывали под чужой фатой.

— А вы быстры для человека, который пришёл заботиться о ребёнке, но первым делом отнял у неё единственную вещь, которую она держала в руках.

Его лицо не изменилось. У людей вроде него эмоции, кажется, хранились в запертых ящиках.

— В доме Драйнар забота не измеряется игрушками.

— А чем? Распоряжениями?

— Порядком.

— Удобное слово.

Каэр произнёс:

— Лиана.

Я поняла предупреждение. Но остановиться уже не могла полностью. Не после пустых рук Эйры.

— Я правда хочу понять, — сказала я тише. — Девочку только что вывели из зала, где её судьбу обсуждали при свидетелях. Она нашла свою игрушку, которую считала потерянной. Её привели сюда, и эту игрушку сразу забрали. Какую именно пользу это должно было принести?

Леди Тарса ответила быстрее лорда Варрена:

— Госпожа Эйра должна учиться отделять личные желания от родовой необходимости.

— Ей пять или шесть лет.

— Шесть, — тихо сказала Эйра.

Я повернулась к ней.

— Шесть, — повторила я. — Самый подходящий возраст, чтобы иметь личные желания.

Милена у стены судорожно спрятала улыбку и тут же испугалась собственной реакции.

Лорд Варрен смотрел на меня всё внимательнее.

— Вы говорите как женщина, не понимающая драконьей природы.

— Верно. Не понимаю. Поэтому смотрю на то, что понимаю.

— И что же?

— На ребёнка, который перестаёт дышать каждый раз, когда взрослые называют её роду важнее её самой.

В гостиной стало тихо.

Очень тихо.

Эйра смотрела на пол. Каэр смотрел на Эйру. Леди Тарса — на лорда Варрена. Варрен — на меня.

— Каэр, — сказал он наконец, не сводя с меня глаз. — Ты позволишь этой женщине вмешиваться в дела старшей ветви?

Каэр не ответил сразу.

Я почувствовала, что этот миг важен. Не для меня даже. Для Эйры. Для всего этого дома.

Если он сейчас отстранит меня, ребёнок поймёт: моя защита действует только пока не приходит кто-то старше и важнее. Если поддержит — объявит войну собственному роду раньше, чем, возможно, собирался.

Каэр подошёл к Эйре.

Медленно. Так, чтобы она видела каждый шаг.

Он присел перед ней — не так легко, как я, слишком непривычно для его строгой осанки, но всё же присел, становясь ниже, ближе, не нависая.

— Эйра, — сказал он. — Где дракон?

Девочка подняла глаза на леди Тарсу.

— На столике у окна, папа.

Каэр протянул руку.

— Милена.

Служанка метнулась к столику, взяла деревянную фигурку и почти бегом принесла её. Каэр сам принял дракона и подал дочери.

— Это твоё, — сказал он. — Без твоего согласия это больше не убирают.

Эйра взяла игрушку так осторожно, будто боялась, что правило исчезнет, если сделать резкое движение.

— Даже если я должна сосредоточиться?

— Даже тогда.

Она посмотрела на него с таким недоверчивым изумлением, что у меня сжалось горло.

Лорд Варрен ударил тростью об пол.

— Ты подрываешь дисциплину ребёнка первой крови ради прихоти женщины, чья личность под вопросом.

Каэр поднялся.

— Личность моей жены будет проверена мной. Не вами.

— Старшая ветвь имеет право требовать отдельного рассмотрения.

— Требуйте письменно.

— И проверки метки.

— После того как Эйра отдохнёт.

— Отдых не отменяет угрозы нестабильности.

Каэр повернулся к нему полностью.

— Назовите конкретную угрозу.

Варрен замолчал.

— Не общую формулировку, — продолжил Каэр. — Не ссылку на страхи старшей ветви. Конкретную угрозу, которую моя дочь представляет сейчас, в этой комнате, с деревянной игрушкой в руках.

Леди Тарса шагнула вперёд.

— Ваша честь, метка откликнулась на постороннюю женщину...

— На мою жену.

— Брак возник при нарушении процедуры.

— Печать признала его.

— Печать могла усилить детское желание.

— Печать дома Драйнар не усиливает желания. Она признаёт выбор крови и защиты.

Эти слова он произнёс жёстко. Но для меня в них было нечто новое. Защиты. Значит, печать связала меня с Эйрой не потому, что я случайно оказалась рядом. Не только потому, что девочка подумала слово «мама». А потому, что я встала между ней и документом.

Баррен прищурился.

— Ты слишком быстро принял удобную версию.

— Она далеко не удобна.

В этом Каэр был прав. Я, подменная жена без знаний и без союзников, была для него чем угодно, но не удобством.

Лорд Баррен перевёл взгляд на меня.

— Если вы так уверены в своей связи с ребёнком, леди Лиана, докажите простое. Подойдите к госпоже Эйре и коснитесь её метки.

Эйра мгновенно прижала левую руку к себе.

Каэр сказал:

— Нет.

Одновременно со мной.

Мы оба услышали это совпадение. И оба на мгновение замолчали.

Лорд Баррен, наоборот, едва заметно улыбнулся.

— Как интересно. В зале вы не боялись брать её за руку.

— В зале она сама вложила руку в мою, — сказала я. — Это другое.

— Вы отказываетесь?

— Да.

— Потому что боитесь реакции метки?

— Потому что она боится. Этого достаточно.

Баррен посмотрел на Каэра.

— Твоя жена рассуждает сердцем. Трогательно. Но дом Драйнар управляется не сердцем.

— Возможно, именно поэтому в нём так много пустых комнат, — сказала я.

Это вырвалось.

Каэр резко повернул ко мне голову.

Да, я поняла. Слишком далеко. Слишком быстро. Но отступить после сказанного было поздно.

Баррен медленно выпрямился.

— Поясните.

Я могла бы промолчать. Действительно могла. Любой разумный человек промолчал бы, оказавшись между верховным судьёй и главой старшей ветви его рода.

Но я видела вазу без цветов в коридоре. Серые шторы, которых Эйра боялась ещё до того, как вошла в комнату. Игрушку, которую отняли под видом порядка. Отца, который сохранил сломанного дракона, но почему-то не знал, что дочери сказали: его выбросили.

— Я здесь меньше дня, — сказала я. — Возможно, меньше часа как ваша родственница, если считать по печати. Но даже я уже вижу, что этот дом умеет хранить документы лучше,

чем детские вещи. Все знают, как называется её кровь. Все знают, кому она подчиняется. Все знают, когда надо проверять метку. Но никто не знал, какого цвета шторы она хочет.

Эйра совсем тихо сказала:

— Тёмно-синие.

Я посмотрела на неё.

— Да. Тёмно-синие.

Каэр медленно перевёл взгляд с меня на дочь.

И в этот миг золотой знак на запястье Эйры, почти скрытый рукавом, тихо потускнел.

Не вспыхнул. Не ударил огнём. Не испугал никого.

Просто стал мягче.

Леди Тарса первой заметила это и побледнела.

— Метка...

Варрен шагнул ближе.

Эйра тут же отступила ко мне.

Я не коснулась её. Не обняла. Не закрыла руками, как хотелось. Я уже поняла: в этом мире любое прикосновение к ней могут превратить в повод. Поэтому я просто встала рядом так, чтобы между девочкой и Варреном оказалось моё плечо.

— Не надо, — сказала Эйра.

Очень тихо.

Но сказала.

Каэр услышал.

— Лорд Варрен, — произнёс он, — встреча окончена.

— Ты не можешь просто выставить старшую ветвь.

— Могу, если старшая ветвь пугает мою дочь в моём доме.

Варрен застыл.

Это было уже не юридическое замечание. Это была граница.

Леди Тарса побледнела ещё сильнее. Милена прижала ладони к юбке, словно боялась пошевелиться. Нара у двери сохраняла спокойствие, но в её глазах мелькнуло удовлетворение — короткое, почти незаметное.

Лорд Варрен склонил голову.

— Ты делаешь выбор, Каэр.

— Да.

— Ради женщины, которую не знаешь.

— Ради дочери, которую должен был защитить раньше.

Эйра подняла голову.

Каэр не смотрел на неё, но она услышала.

И я услышала.

В этой фразе было больше, чем приказ. Там была вина, признанная вслух, пусть и не полностью. Для мужчины вроде него это, наверное, стоило дорого.

Варрен сделал шаг к двери, но остановился рядом со мной.

— Леди Лиана, — сказал он почти мягко. — Вы сегодня получили то, чего не должны были получить: имя, связь и место в доме Драйнар. Советую вам не путать случайность с правом.

Я посмотрела на него.

— А я советую вам не путать ребёнка с родовым имуществом.

Его глаза стали холодными.

— Посмотрим, сколько продержится ваша смелость, когда вы поймёте цену.

— Все сегодня обещают мне цену. Хоть бы один показал счёт заранее.

Каэр произнёс:

— Лорд Варрен.

Предупреждение было коротким.

Варрен улыбнулся краешком губ, поклонился Каэру, затем Эйре — чуть глубже, чем мне, — и вышел. Леди Тарса последовала за ним, но у двери обернулась.

— Госпожа Эйра, я надеюсь, вы не забудете правила.

Девочка прижала дракона к груди.

Я не стала отвечать за неё. Очень хотелось, но я сдержалась. Иногда защита — это не говорить вместо ребёнка, а дать ему возможность услышать собственный голос.

Эйра молчала несколько секунд.

Потом сказала:

— Я буду помнить новые.

Леди Тарса замерла.

Каэр тоже.

А я впервые за всё утро улыбнулась по-настоящему.

Когда дверь закрылась, из комнаты словно вынесли тяжёлую мебель, о которую все боялись удариться. Милена тихо выдохнула. Нара подошла к окну, одёрнула серую штору и оглядела её так, будто уже мысленно заменила на тёмно-синюю.

Каэр стоял неподвижно.

Эйра смотрела на него.

— Папа?

— Да.

Она переступила с ноги на ногу.

— Я правда могу оставить дракона?

— Да.

— И шторы будут не серые?

— Будут тёмно-синие.

— А леди Тарса не придёт ночью?

Каэр едва заметно вздрогнул.

Я поняла, что этот вопрос он тоже не ожидал.

— Нет, — сказал он. — Не придёт.

Эйра посмотрела на меня.

— А если придёт?

Я не успела ответить.

Каэр сказал первым:

— Тогда она встретит меня.

Девочка подумала.

— А если вы будете в суде?

На этот раз он не замолчал надолго.

— Тогда она встретит Лиану.

Я почувствовала, как эти слова прошли через меня горячее брачной печати.

Не потому, что он назвал меня по имени. Не потому, что признал моё место. А потому, что сказал это при Эйре. Для неё.

Эйра медленно кивнула.

— Хорошо.

И только после этого подошла к креслу, села на самый край и положила дракона себе на колени. Как будто наконец получила право не стоять в ожидании чужого решения.

Нара тихо сказала:

— Я распоряжусь о комнате.

— Не распоряжайтесь, — попросила я.

Все посмотрели на меня.

Я сама удивилась. Но мысль уже успела оформиться.

— Спросите Эйру, где она хочет поставить кровать. И стол. И... что там ещё бывает в детской. Я не знаю, что у вас принято. Но пусть хоть что-то она выберет сама.

Эйра замерла с драконом на коленях.

Нара посмотрела на Каэра. Тот — на дочь.

— Сделайте так, — сказал он.

Нара кивнула Милене, и они начали тихо обсуждать с Эйрой комнату. Сначала девочка отвечала односложно, почти шёпотом. Потом чуть смелее. Ей хотелось кровать не у двери. Стол у окна. Шторы тёмно-синие. И чтобы деревянный дракон стоял там, где его видно сразу после пробуждения.

Я слушала и чувствовала странную усталость. Не телесную даже, а внутреннюю. Будто за несколько часов прожила слишком много чужих жизней и ни одну ещё не успела понять.

Каэр подошёл ближе.

— Вы нарушили мой приказ не говорить без необходимости.

— Я считала всё необходимым.

— Разумеется.

Я посмотрела на него.

— Вы злитесь?

— Да.

— На меня?

— В том числе.

Честно.

Снова честно.

— Но не только, — добавил он.

Я проследила за его взглядом. Он смотрел на Эйру, которая очень серьёзно объясняла Наре, что дракона нельзя ставить спиной к двери, потому что тогда он не увидит, если кто-то войдёт.

— Она давно так? — спросила я.

Каэр молчал.

Я не стала уточнять, что именно имею в виду. Он понял. Слишком взрослая осторожность. Страх перед правилами. Привычка не просить. Умение стоять у стены и ждать, пока тебя заберут.

— Я видел её реже, чем должен был, — сказал он наконец.

Слова были тихими. Не для всей комнаты.

— Почему?

Он посмотрел на меня.

— Потому что думал, что сначала нужно выиграть право.

— А пока вы выигрывали, её воспитывали другие.

— Да.

Это «да» далось ему тяжело.

Я могла бы ударить сильнее. Сказать, что ребёнку не легче от того, что отец был занят правильной войной. Что иногда отсутствие тоже становится решением. Что Эйра спрашивает о леди Тарсе ночью не потому, что слишком впечатлительна, а потому что у неё были причины.

Но я не сказала.

Не из жалости к нему. Из осторожности к Эйре. Она сидела совсем рядом и могла услышать больше, чем нам казалось.

— Тогда начинайте не с права, — сказала я. — Начинайте с комнаты. С дракона. С штор. С того, что она спрашивает, придут ли за ней ночью.

Каэр смотрел на меня долго.

— Вы говорите так, будто имеете опыт.

Сердце пропустило удар.

Моя прежняя жизнь снова шевельнулась где-то далеко, за гранью этого мира. Там были другие комнаты, другие дети, другие страхи, другие обещания, которые взрослые давали слишком легко. Я не хотела сейчас открывать эту дверь. Не перед ним.

— Я говорю так, будто вижу ребёнка, — ответила я.

Он принял этот ответ. Или решил отложить.

Из коридора донёсся быстрый шаг. Нара подняла голову ещё до стука.

Дверь открылась, и на пороге появился один из стражников. Он поклонился Каэру.

— Ваша честь, прибыла леди Серафина Арвель.

Каэр застыл.

Не так, как при имени Варрена. Иначе.

Тише.

Глубже.

Я заметила, как Нара почти незаметно повернулась к Эйре. Милена тут же подошла ближе к креслу. Эйра прижала дракона к себе и посмотрела на отца.

— Она здесь? — спросила девочка.

Каэр не ответил сразу.

И в этой паузе было слишком много прошлого.

— Да, — сказал он наконец.

Я посмотрела на него.

— Кто она?

Ответила не Нара, не стражник и не Каэр.

Эйра прошептала:

— Леди, которая говорила, что могла бы стать моей мамой, если бы я была хорошей.

У меня внутри всё стало холодным.

Каэр закрыл глаза.

На этот раз не на вдох.

Дольше.

Когда он открыл их, взгляд снова был судейским. Но теперь я уже знала: за этим холодом не пустота. Там ярость, которую он не позволял себе выпустить при дочери.

Стражник опустил голову ниже.

— Леди Серафина просит передать, что прибыла не как гостя. Она заявляет право на участие в опеке над госпожой Эйрой от имени старшей ветви и по прежнему соглашению с домом Драйнар.

Деревянный дракон выпал из рук Эйры на ковёр.

Я сделала шаг к ней, но остановилась, потому что девочка смотрела не на меня.

На Каэра.

И ждала, что он скажет.

Каэр Драйнар повернулся к двери.

— Проведите леди Арвель в западную приёмную.

Стражник кивнул.

— И передайте ей, — добавил Каэр, — что в моём доме место матери уже занято.

Бывшая истинная

Стражник ушёл, а слова Каэра остались в комнате.

Место матери уже занято.

Они прозвучали не ласково. Не для меня, не как признание, не как попытка успокоить. Скорее как формулировка, которую верховный судья мог бы внести в протокол, поставить рядом личную печать и закрыть спор до следующего заседания.

Но Эйра услышала не протокол.

Я видела это по её лицу.

Она сидела на краю кресла, маленькая, бледная, с пустыми руками, потому что деревянный дракон лежал на ковре у её ног. Глаза у неё стали такими большими, будто она боялась моргнуть и потерять только что сказанное. Не «будет решено». Не «рассмотрим». Не «посмотрим по обстоятельствам». А уже занято.

Мной.

Я не знала, что делать с этим словом. Матерью меня не сделало ни кольцо, ни печать, ни даже детская ладонь в моей руке. Матерью нельзя стать за час так, чтобы это было честно. Но можно за один миг понять, что если ребёнок смотрит на тебя как на последнюю дверь в доме, где все остальные закрыты, ты не имеешь права отойти в сторону.

Каэр наклонился, поднял деревянного дракона и протянул Эйре.

— Он не сломался, — сказал он.

Девочка взяла игрушку, но не с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.